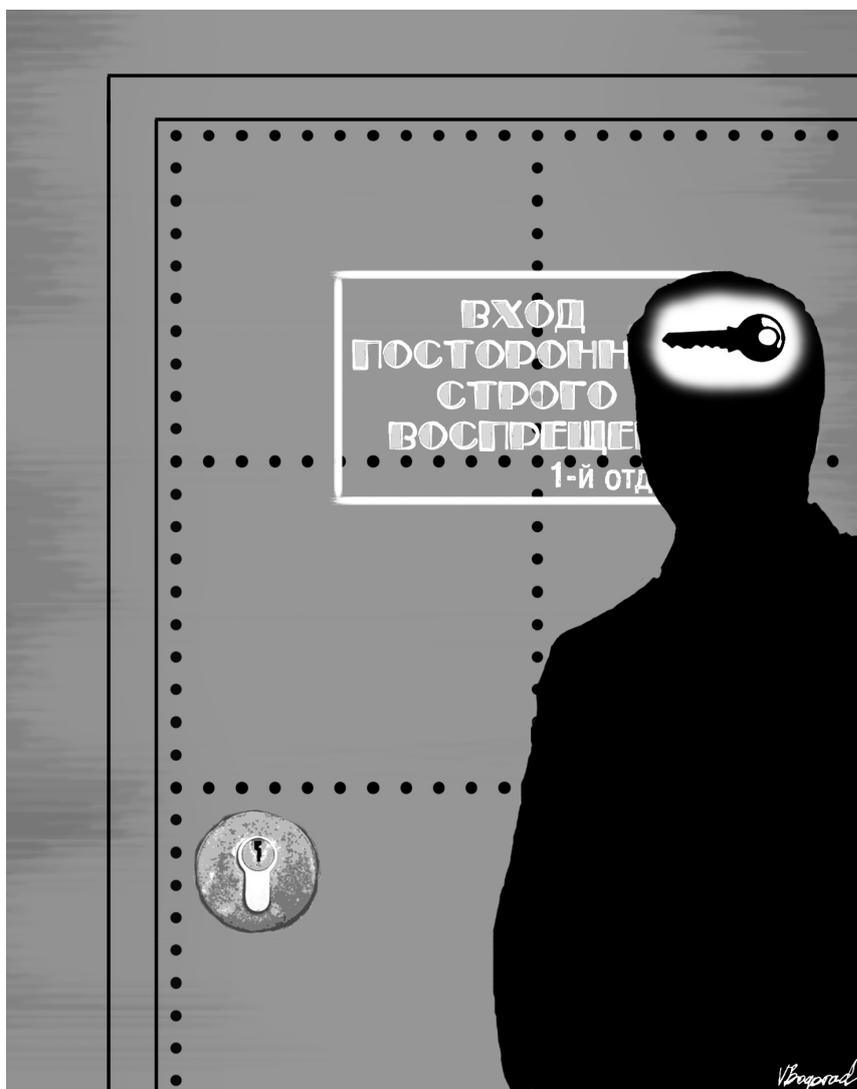

ПЛАКАТ НОМЕР ОДИН

(о пользе психологической инерции)

Владимир Герасимов

gerasimovvladimir@gmail.com

Рисунок Виктора Богорада

Семинар

Весной 1981 года в Москве состоялся семинар по ТРИЗ. Преподавателями были Генрих Саулович Альтшуллер и Борис Львович Злотин. А слушателями – ведущие специалисты по ФСА Министерства электротехнической промышленности. Кандидатов на обучение

отбирали по всему Союзу, поэтому попасть на семинар было крайне трудно. Говорили, что не помогает даже протекция жены министра. Но мне все же удалось просочиться в список, хотя к тому времени я был совсем еще зеленым «фэсэашником» – сработала железная протекция Бориса Львовича.

На семинаре я сначала чувствовал себя не в своей тарелке. С одной стороны, я уже отличался от нормальных слушателей тем, что прошел солидный курс обучения по ТРИЗ у Злотина и хорошо знал материал, с другой – в помощники преподавателям еще не годился, так как не хватало опыта. Несколько раз я приставал к Генриху Сауловичу с предложениями, однако ему требовалось то, чего я не умел. Например, для распечатки раздаточных материалов позарез нужна была хорошая машинистка, но со своим умением стучать по клавишам одним пальцем я явно не проходил по конкурсу.

Однажды я на листе ватмана толстым фломастером изобразил какую-то таблицу. Генрих Саулович внимательно осмотрел ее и спросил:

– А еще можете? – Я кивнул. С тех пор работы у меня было выше крыши. Когда поздно ночью подготовка преподавателей к следующему дню завершалась, начиналась моя вахта – нужно было все это перенести на плакаты. Постепенно их становилось все больше, приходилось крепить листы на стенах в несколько рядов, потом я их начал подвешивать к потолку...

На защиту дипломных работ пришло крупное начальство во главе с замминистра и директором ИПК. Борис Львович тут же потащил их к плакатам и заставил решать учебную задачу об опылении цветов арахиса с помощью трибоэлектричества. Может быть поэтому после защиты, которая прошла успешно, руководство ИПК предложило нам договор на серию учебных плакатов по ТРИЗ. Содержание должен был подготовить Г.С. Альтшуллер, а я – воплотить все в цвете на ватмане импортными фломастерами.

Плакат

Плакатов было много, работа длилась три месяца. Почти ежедневно я получал от ГСА письма с эскизами, замечаниями и уточнениями. Но и от меня он требовал регулярного отчета, поэтому писал письма я ему чаще, чем любимой жене в пору ухаживания.

Плакаты получались красивыми – яркими и многоцветными. Наконец осталось сделать последний, то есть он был как раз в серии первым. На нем Генрих Саулович просил изобразить, кроме текста, еще и обложки книг по ТРИЗ. И тут я встал в тупик. Предложение *нарисовать* обложки пришлось отвергнуть сразу же – будет не убедительно. Вклеивать черно-белые фотографии тоже не хотелось – на фоне красочной серии будет тускло...

Время шло, а выхода я не видел. Наконец решил проверить вариант, вначале показавшийся просто фантастическим: я решил *скопировать* обложки на "Эре", прабабушке нынешнего ксерокса. Вряд ли удастся объяснить современным молодым людям, что это такое – воспользоваться множительной техникой на заводе в то время. Они просто не поймут! Ну, а те, кто постарше, может быть, и помнят еще. Полагалось оформить служебную записку и собрать на ней целую гирлянду подписей, пройдя по ступенькам иерархической лестницы вплоть до Главного конструктора завода. Затем следовало подписать бумагу у начальника Первого отдела. И если каждую ступеньку одолеть было трудно, то последнюю – иногда просто невозможно. На что же я рассчитывал? На психологическую инерцию...

Утром, в самом начале рабочего дня, я постучал в дверь Бюро чертежного хозяйства. Тяжелая железная дверь чуть-чуть приоткрылась, и в щелке появился строгий глаз тети Маши. Глаз внимательно смотрел на пачку цветной бумаги для детского творчества, которую я держал перед собой в вытянутой руке. Мне показалось, что продолжалось это вечно. Наконец строгий голос спросил:

– Чего тебе?

Я сглотнул и выдохнул в три приема:

– Копировать... Заставляют... На цветной бумаге...

– На цветной? Не получится!

– Вот и я говорю, что не получится, но меня не слушают... Теть Маш, может проверим, вдруг – получится? А то съедят меня!...

– Служебную давай. – Дверь слегка приоткрылась.

Я протянул бланк служебной записки, которую держал перед собой в другой вытянутой руке. Текст был написан, как положено, на официальном бланке, но подписей начальства не было. Теперь оба глаза смотрели в упор на меня.

– А подписи где?!

– Так может не получится, зачем же подписывать? В Первом отделе замордуют прежде, чем подпишут...

– Ну да, это верно... Ладно, заходи. – Дверь еще немного приоткрылась, и я просклизнул внутрь.

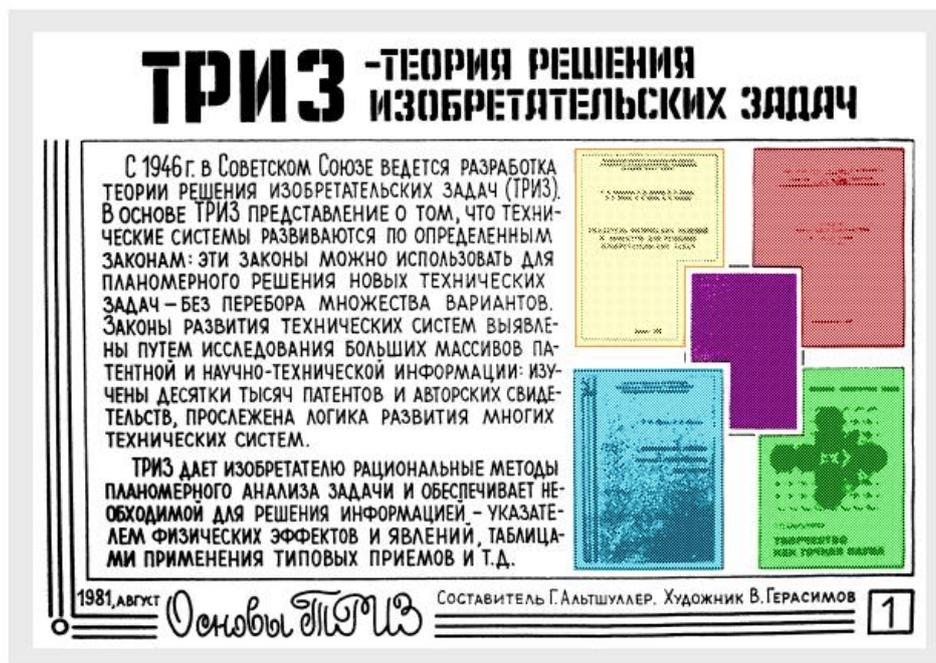
Мы проверили на зеленой бумаге. К нашему общему удивлению, получилось. На желтой тоже, и на оранжевой тоже. Я почувствовал опасность и подложил темно-коричневую бумагу. На этой не получилось, текст был практически не виден.

– Что я тебе говорила! – С удовлетворением сказала тетя Маша. Так мы проверили и на всех остальных бумажках, там вышло совсем неплохо.

– Ну, я пошел, – сказал я, складывая листки в стопку, – покажу начальству. Если им понравится, зайду дня через три-четыре, раньше мне служебную не подписать... Но тетя Маша меня уже не слушала, а потихоньку подталкивала в спину к железной двери.

На рабочем месте я с удовольствием отправил честно отработавшую служебную записку в мусорную корзину. Полученных пробных копий было вполне достаточно для десятка плакатов. Кстати, получился

первый плакат еще более ярким, чем остальные, смотреть было приятно!

Иногда я достаю из папки с письмами ГСА темно-коричневый листок, на котором еле-еле видна надпись "Творчество как точная наука" и каждый раз думаю, что в противостоянии плаката №1 и отдела №1 победил все-таки первый.

Декабрь 2024 года